

Канат Букежанов – писатель и художник. Родился в 1967 году в городе Алма-Ате. Сто двадцать его живописных работ приобретены Кипрским музеем модерна (Лефкоша). Обладатель международной награды «Серебряный ключ» от Кипрского музея модерна. Учился в Открытой литературной школе Алматы (ОЛША) в 2015–2018 гг., закончил курс прозы, курс детской литературы и специальный курс прозы больших форм.

Канат БУКЕЖАНОВ

ГИЛЬГАМЕШ ИЗ КУКУРУЗНОГО ПЕРЕУЛКА

ОТ АВТОРА

Я расскажу вам про Гильку из Кукурузного переулка. У него необычное имя, хотя он самый обыкновенный мальчишка. Должен сказать, что Гилька был моим другом в те далёкие уже, девяностые годы прошлого века, когда мальчишки больше времени проводили в дворовых играх, ещё не во всех семьях были компьютеры, а редкие в то время игровые приставки подсоединялись к ламповым телевизорам...

Про Кукурузный переулок

Сначала переулок был Базарным. Потом базар расформировали, ларьки и прилавки снесли, а на месте базара построили целых три дома. Как раз от Гилькиного дома тянулся остаток переулка и заканчивался большим оврагом. Этот обрезок переулка прозвали Кукурузным, потому что раньше здесь продавали горячую кукурузу. Её заботливо прикрывали войлоком поверх чугунного чана, чтобы она не потеряла сочность и оставалась сладкой и ароматной.

Правда, Гилька никогда не видел ни базара, ни кукурузного ряда. Ведь он родился в одном из трёх белоснежных домов. Они так гордо и ослепительно сверкали под южным солнцем, что мальчишек из этих домов соседские ребята называли белодомниками.

Поэтому Гилька с того дня, как его впервые вывезли на прогулку, стал познавать мир в виде короткого хвостика своего переулка. Но для Гильки тогда и этого было много. Когда он начал ходить, то не должен был уходить за пределы переулка. Так же, как корабли не отклоняются от заданного курса, Гилька вынужденно не отклонялся со своего переулка в другую сторону. Конечно, пока он был маленький.

Потом Гилька вырос, и чем больше он становился, тем больше было улиц, городов, стран, где он побывал. Но иногда, когда он спит, он снова становится тем, кем был раньше: просто Гилькой из очень маленького Кукурузного переулка. И это его самый хороший сон.

ЗНАКОМСТВО С ГИЛЬКОЙ

Вообще-то зовут его Гильгамеш. Имя так себе, не очень хорошее и не очень плохое.

Было время, когда оно Гильке совсем не нравилось. А потом привык. Имя придумал папа.

Как-то Гилька спросил папу:

– Папа, зачем мне придумали такое имя?

– Что тебе не нравится в твоём имени? – грозно спросил папа.

На самом деле, папа добрый. У него громкий голос и большая борода. Из-за этого все его пугаются и уважают. Только Гилькина мама когда-то не испугалась. Она говорит, что у папы очень ласковые глаза, поэтому она его ни капельки не боится. Хотя тоже очень уважает. Откуда это известно? Например, когда папа приходит с работы, мама снимает с него пальто и шапку, если это зимой, и всегда подаёт ему тапочки. Скажите, стали бы это делать какому-то человеку, если его не уважают? Вот то-то и оно!

В день, когда Гилька спросил папу про своё имя, его задразнил Колька из соседнего двора. Совсем глупо дразнил: «Кильку-ешь, Кильку-ешь...», но все смеялись. Даже Чингизик и Тимка. И всё потому, что Колька большой, уже в четвертом классе. Поэтому, что он ни скажет, смешно это или не смешно, а всё равно смеются.

Папа сказал Гильке, что это не он придумал имя, а древний царь Урука, и назвал так своего сына, который тоже стал царём Урука и совершил много подвигов, потому что был великим силачом и богатырём. Уж конечно, его никто не дразнил. Попробуйте подразнить богатыря! Вон Колька Масловский, конечно, на богатыря не тянет, но когда Серёга из третьего подъезда, тоже не слабый пацан, сказал ему: «Масло-сало-комбижир, сколько вешишь?», то потом четыре круга вокруг дома убежал от него. Правда, Колька его не догнал. То ли Серёга быстрее бегаёт, то ли на самом деле Колька слишком много весит. Но всё равно, когда-то ведь догонит. И тогда Серёге будет не до смеха. А какой богатырь из Гильки? Тощий, как скелет, и маленький. Меньше его во дворе только Чингизик. Но это слабое утешение. Скажите теперь, какой из него царь Урука?

Про царя Урука тоже – секрет, а то будут дразнить – «Царь урука». В общем, не очень удачное имя нашел ему папа.

ПРО ПТИЧЬИ РАЗГОВОРЫ

Радик вышел из подъезда, держа в руках птичью клетку.

– Привет! – подбежали к нему сразу Чингизик и Гилька.

– Это что у тебя, – спросил Чингизик, – клетка?

– Не, это – клапан, ловушка, – сказал Радик. – Видишь, посередке сидит щегол в клетке, а с двух сторон две другие клетки...

– Ну и что? – нетерпеливо спросил Гилька.

– Подожди! Я же рассказываю, – строго сказал Радик. Он был старше Чингизика и Гильки аж на два года.

– С двух сторон ловушки. Туда насыпаешь корм и открываешь дверки, подпираешь их этими палочками. Дверки на пружинке.

Радик, конечно, мог и вовсе не водиться с такой мелкотнёй, как Чингизик и Гилька. Но почему-то он их опекал: не давал в обиду и учил разным пацанячьим премудростям.

– А зачем щеглы полезут в ловушку, они что, не видят палочки? – спросил Гилька.

– Этот вот – провокатор, сидит себе и поёт. Щеглы к нему спускаются и видят корм в клетке. Думают, что всё в порядке. Лезут туда, и – оп-ля!

– Можно с тобой? – спросил Чингизик.

– Не! Там тишина нужна, а вы будете шуметь, всю птицу распугаете!

– Мы тихо, очень тихо, – просил Чингизик.

– Только тихо, – еще раз повторил Радик, – а то охоту запортчите!

– А куда идти? – спросил Гилька. Ему никогда не разрешали уходить дальше переулка.

– Тут недалеко, – сказал Радик, – за оврагом – шоссе, и деревенские поля...

– Далеко! – протянул Гилька. – Мама заругается.

– Со мной не заругается, – сказал Радик, – если вообще узнает...

Гилька думал недолго. Тем более Чингизик дергал его за рукав, мол, думай скорее.

Они втроём перешли шоссе и устроились перед деревенским полем. Ловушку Радик поставил в зарослях конопли.

– Щеглы коноплю любят, – сказал он.

Сами ребята сели подальше, в пятнадцати шагах, за кустами боярышника. Радик вытащил из-за пазухи большую горбушку бородинского хлеба и побратски поделился.

– Соли не взял и чеснока, – с сожалением сказал он, – правда, бородинский и так вкусный...

В это время щегол в клетке начал петь. Но пел он как-то жалобно: «Пи-иить-пи-иить...».

– Он что, пить просит? – спросил Гилька.

– Это – птица, – сказал Радик. – Не может она по-человечески просить...

– А попугаи? – спросил Гилька. – Попугаи говорят же по-человечески...

– Точно! – сказал Чингизик. – Сам видел по телеку. Ой, много говорил один. Жутко умный!

– Щегол так не может, – сказал Радик. – Так могут только попугаи, и то они только повторяют, что выучили. Глупые они.

А щегол продолжал: «Пи-и-ть-пи-иить...».

– Может, дать ему водички? – спросил Чингизик.

– Он утром у меня в клетке пил. Не хочет он пить. Просто песня у него такая...

Вдруг на кусты рядом с клеткой села синичка и запела звонким голосом.

– Ты слышал, что она поет? – удивленно зашептал Чингизик. – Она поет: «Цу керек – цу керек».

– Точно, – сказал Гилька, – цу-керек-цу-керек.

– И что? – спросил Радик.

– Так она по-казахски поет: «Надо воды, надо воды!»

– Ну?! – лениво удивился Радик. – И правда, «су» – это вода. Только она говорит «цу».

– Что ты от нее хочешь, она же птичка! – горячо зашептал Чингизик. – Слышал, как иностранцы по-русски говорят? Тоже все звуки путают...

Тут вдалеке отозвалась другая синичка.

– Слышал? Слышал? – закричал Чингизик. – Эта говорит: «Шелек-шелек-шелек».

– Тихо ты, не кричи, – строго сказал Радик. – А это что означает?

– Это значит «ведро-ведро».

– Ну и что?

– Ты не понял? – сказал Гилька. – Твой щегол поёт: «Пи-и-ть-пи-иить».

А синичка отвечает: «Надо воды, надо воды». А другая поёт: «Ведро-ведро».

– При чем здесь ведро?

– Так ведь в ведрах воду носят...

– А может, она говорит, что воды здесь навалом, видишь, везде лужи после дождя. Вот она и поет, что тут целые ведра воды! – сказал Гилька.

– Опырмай!¹ – восхитился Чингизик. – Какие умные, сразу на двух языках шпарят!

– Да не умные они, – сказал Радик. – Вам только кажется...

¹ Опырмай (каз.) – выражение восхищения и удивления, что-то вроде «Ничего себе!».

Но тут еще одна синичка влилась в общую переключку: «Светит-светит-светит-сва».

– Слышал теперь? – спросил Гилька.

– По-русски вроде поёт?

– Конечно, – сказал Гилька. – Солнце светит, вот она и поет: «светит, светит».

– А что такое «сва»? – спросил Чингизик.

– Не знаю, – сказал Гилька. – Может, это уже на их, синичьем языке. Может, «сва» – это солнце...

– Опырмай! – Чингизик от возбуждения уже не мог сидеть, а приплясывал на месте.

– Сядь ты, – сказал Радик, – всех птиц распугаешь.

Но говорил он как-то растерянно. Он уже сам начал верить в разговоры птиц.

Тут еще одна синичка села на кусты боярышника над их головой и звонко завела: «Ткенек-ткенек».

– Слышал? – крикнул Чингизик и снова вскочил на ноги. Синичка тут же вспорхнула с кустов.

– Что? – испуганно спросил Радик.

– Она сказала «колючки»! А на кустиках и вправду колючки!

– И правда, колючки, – протянул Радик. Он был потрясён.

– Ура! Они разговаривают, они умные... Просто их надо услышать! – закричал Гилька.

Чингизик схватил его за руку, и они стали подпрыгивать и что-то вытанцовывать на месте.

Радик уже не делал им замечаний. Он сам стоял во весь рост и, наморщив лоб, о чём-то думал.

Вдруг он решительным шагом пошел к ловушке.

– Опырмай! Что он делает? – крикнул Чингизик.

– Бежим за ним!

Они побежали к Радик, который уже открыл маленькую клетушку и извлёк оттуда своего щегла.

– Что ты с ним делаешь? – спросил Гилька.

– Пусть летает, где хочет, – сказал Радик, – раз он такой умный.

– Они все умные! – крикнул Чингизик.

Радик подбросил щегла в небо, и тот, постепенно набирая высоту, полетел к ближним тополям и уселся на верхушке одного.

– Ура! – крикнул Гилька.

– Ура! – закричал Чингизик.

– Пошли домой, – сказал Радик серьёзно. Он был уже большой и должен был вести себя солидно. – Только вы про то, что здесь было, никому ни слова!

– Ни слова! – повторил Чингизик.

– А почему? – спросил Гилька.

– Потому что тогда все пацаны надо мной смеяться будут, что я тут двух щеглов послушал...

– Щегол же один был, – сказал Гилька, – остальные все синички...

– А вы кто? – спросил Радик, усмехаясь. – Щеглы и есть...

– Ура, мы щеглы! – снова закричал Чингизик.

– Пии-ть-пи-ить! – запел Гилька.

– Детский сад, – презрительно сказал Радик. Хотя на душе у него тоже было хорошо...

ВИЛКА

Всё началось в гостях у дяди Муки.

– Всё-таки заразили моего парня морской болезнью! – сказал Гилькин папа.

В тот день папа, мама и Гилька пошли в гости к дяде Мукасу. Это лучший друг папы. Гилька с маленьких лет называл его «дядя Мука». Чего только не было в его доме! Африканские маски на стенах, макеты кораблей на полках!

Когда Гилька, стоя на стуле, рассматривал кораблик, то увидел рядом что-то блестящее. Встав на цыпочки, Гилька вытащил это что-то. Оказалось, вилка. Но какая чудесная это была вилка! Рукоятку венчала фигурка бородатого человека в смешной шапочке с помпоном. Еще на рукоятке был вырезан красивый якорь.

– Что это? – Гилька, спрыгнув со стула, подбежал к дяде Муке.

– Это, Гилька, старинная вилка. Кажется, голландская...

– А что это за человечек? Гном?

– Зачем? Это моряк!

– У моряков, дядя Мука, бескозырки с ленточкой, – сказал Гилька. – А у этого шапочка с помпоном!

– Видишь ли, Гилька, – улыбнулся дядя Мука, – некоторые иностранные моряки носят именно такие шапки. У них форма такая.

Весь вечер Гилька вертел в руке вилку с моряком, а когда настала пора идти домой, то не захотел отдавать.

– Гилька, положи вещь, откуда взял! – нахмурилась мама.

– Ну зачем ты так, Соня, – сказал дядя Мука. – Пусть возьмёт, я ее дарю.

– Она, наверное, серебряная и дорогая!

– Соня, – сказал дядя Мука, – пусть пацан порадует! Будет у него теперь морская вилка.

Морская вилка!

– Разве бывают морские вилки? – спросил Гилька.

– Конечно! Это вилка, наверное, принадлежала моряку. Правда, ложки к ней в пару не хватает. Ложка, брат, очень важная штука!

– Почему очень важная? – удивился Гилька.

– Разве ты не знаешь? – засмеялся дядя Мука.

– Главное оружие солдата – ложка!

– Почему?

– Потому что если солдат сыт, значит его никто не победит...

– А у моряков главное оружие – вилка! – сказал Гилька.

– Почему? – удивился дядя Мука.

– Потому что на море всё качается, поэтому они должны еду вилкой цеплять!

– А суп как они цепляют? – улыбнулся дядя Мука.

– А суп они, дядя Мука, вовсе не едят, потому что он на море расплескивается. Поэтому они всё едят всухомятку!

Гилька сам обрадовался этому открытию. Мама вечно пичкала его всякими жидкостями: то супом, то чаем, то соком. И говорила: «Не ешь, Гилька, всухомятку!» Хотя сок Гилька любил и против него не возражал.

«Интересно, пьют ли сок моряки? Конечно, пьют! – решил Гилька. – Только они пьют бутылочный и прямо из горлышка». Это тоже было здорово! Ведь мама всё время говорила ему: «Не пей из горлышка, это неприлично!»

– Ну, всухомятку ты у меня питаться не будешь, и из горлышка пить я тебе тоже не позволю, – сказала мама, когда Гилька поделился с нею мыслями о жизни моряков. Что поделаешь, если твой корабль называется «двадцать вторая квартира», а капитан в нём – мама!

Приехав домой, Гилька захотел носить свою морскую вилку в ножнах, на поясе. Раз это главное оружие моряка! И попросил маму сшить ему такие ножны.

– Еще чего, – возмутилась мама, – где это видано, чтобы кто-то вилку на поясе носил? И это опасно. Упадешь, а она тебе в живот воткнется! И вообще, перестань носиться с этой вилкой! Положи её куда-нибудь.

Когда Гилька попросил сделать ножны папу, папа расхохотался.

– Страшное оружие – вилка! Один удар – четыре дырки! И потом, моряки носят с собой не вилки, а кортики... Кортик – главное оружие моряка!

– А что это такое? – спросил Гилька.

– Это, брат, такой морской кинжал, – сказал папа.

– А можно мне такой купить на день рожденья? – попросил Гилька.

– Видишь ли, сынок, его нигде не купишь. Его выдают только морякам как оружие. Вот если станешь моряком, тогда тоже будешь носить кортик.

Гилька загрустил. Когда это будет! Все говорят ему: «Вот вырастешь, тогда всё будет можно»: и есть всухомятку, и гулять допоздна, и кортики носить... А он никак не растёт... Черточка на дверном косяке, где отмечали Гилькин рост, за последние два месяца ни чуточки не сдвинулась вверх. И еще Гильке

до слёз стало обидно за свою морскую вилку, когда стало понятно, что вилка не главное оружие моряка.

– Ну, что нос повесил? – сказал папа, увидев Гилькино огорчение. – А давай мы тебе устроим настоящий морской рундук?

– Что такое рундук? – спросил Гилька.

– Это брат, такой морской сундучок, где хранятся главные морские вещи.

– И вилка?

– Конечно! Как же моряку без вилки?

Папа снял с полки деревянную коробку. Гилька замер: «Неужели подарит?»

Это была очень большая деревянная коробка из-под какого-то иностранного вина, и на её крышке было нарисовано сражение двух парусных кораблей. Гилька всегда любовался картинкой. А под картинкой была иностранная надпись. Когда-то Гилька попросил прочитать ему эту надпись, и папа прочёл что-то вроде «Чивас Ригал». С тех пор Гилька думал, что один корабль называется «Чивас», а другой «Ригал».

– Вот это будет твой морской рундук! Согласен? – спросил папа, высыпая свои вещи из коробки на стол. Гилька только кивнул, потому что в горле у него почему-то пересохло.

– Ну, началась у парня морская болезнь! – сказал папа.

Теперь у Гильки был свой сундучок для разных секретных и важных вещей. Мама дала остаток отреза от чёрного бархата, из которого было пошито её вечернее платье. Гилька застелил бархатом дно коробки и положил туда для начала: серебряную морскую вилку, альбомчик с вкладышами от жвачек «Турбо» и любимого оловянного солдатика на лошади.

А когда он, полюбовавшись своими вещами, закрывал рундук, то на его крышке два боевых морских корабля, «Чивас» и «Ригал», обменивались пушечными выстрелами. Сверкал огонь, и летели ядра...

АНОМАЛЬНЫЙ ОВРАГ

История 1. Происшествия

Сначала тетя Сима с третьего этажа потеряла кошелёк. Денег в кошельке было немного, но всё равно жалко.

Случилось это поздно вечером. Тетю Симу подвезли знакомые. Ей оставалось перейти овраг – и вот она уже дома. Знакомые тети Симы хотели проводить её через тёмный овраг, но она сказала, что не надо. Ведь овраг «уже хоженный-перехоженный, и не такой уж большой!» Надо же ей было споткнуться, и кошелёк вылетел из сумки куда-то в бурьян. Искать в ту минуту было бесполезно: темно, да и кто возьмёт?

Утром тетя Сима попросила помочь всех мальчишек, какие оказались во дворе: от старшеклассников, всегда играющих в настольный теннис, до такой мелюзги, как Гилька, Тимка и Чингизик.

Ребята искали и ничего не нашли! Большие мальчишки неохотно поворошили палками в бурьяне и сразу бросили это дело. Но Гилька, Тимка и Чингизик лазали там целых полчаса и шарили ладошками в сухой траве очень старательно. Ладочки стали грязные и расцарапанные, а кошелька не было и в помине!

То ли кто-то раньше них шел через овраг и подобрал его, то ли сам овраг, ожив, проглотил свою добычу. Но на этом происшествия в овраге не прекратились.

Через два дня баба Лена шла через овраг на ярмарку. Шла по тропинке спокойно и не спеша, а споткнулась на пустом месте. Споткнулась, упала

и расшибла себе коленку. Теперь она сидела во дворе, перевязав ногу компрессом, а стул выносить и заносить помогал соседский дядя Толик.

– Аномальное место! – сказала тетя Сима.

Гилька сразу спросил у папы, что такое – «аномальное место»? Папа рассказал, что аномальное место – это такое место, где постоянно происходят разные происшествия, например, Бермудский треугольник. Подробнее спросить, что за треугольник такой, Гилька не смог: папа спешил. Но главное Гилька понял – надо ожидать новых неприятностей.

И они не замедлили случиться!

Колька Масловский проезжал через овраг на велике и упал. Упал так крепко, что его увезли в больницу с переломом руки и сотрясением мозга.

– На том же самом месте! – торжественно произнесла тетя Сима.

Но, если по правде, то совсем не на том месте, и Колька не проезжал овраг, а мчался изо всех сил! И не просто мчался, а прыгнул на велике на скорости с холма. Холм, правда, небольшой.

Тропинка через овраг раздваивалась. Одна вела прямоком, другая упиралась в холмик и обрывалась. На этом месте старшие пацаны придумали

себе приключение. На своих старых, побитых велосипедах они разогнались по тропинке вниз и взлетали на этом холмике, как с трамплина. Дальше велосипед летел в одну сторону, а лихач – в другую. Ради краткого ощущения полёта им приходилось осваивать науку правильного падения.

Но Колька Масловский, по мнению ребят всего Кукурузного переулка, был дурак дураком. Не потому, что прыгнул и сломал руку. Это дело житейское. А потому что прыгнул на таком велосипеде.

Ребята прыгали на велосипедах, которые собирали буквально из мусора, по запчастям. На покупном велосипеде умные люди должны ездить и ездить, и пылинки с него сдувать! Так думали все пацаны, особенно Тимка, который всегда мечтал о велике.

Про овраг заговорили сразу все. Детям запрещали там играть. А где ещё играть-то? Овраг – самое подходящее место.

Но баба Лена вспомнила, что именно в этом овраге когда-то резали скот и забивали птицу для продажи на базаре.

– Нехорошее место! – сразу закивали головой бабульки, подружки бабы Лены.

Но самую страшную новость рассказала Бобайша-апай из соседнего дома. По её словам, именно в это время года и именно на этом месте много-много лет назад ограбили женщину. Была она не одна, а с маленькой дочкой, и та от испуга «так плакала, бишара¹, что чуть не лишилась дара речи!»

– Ну, сделают теперь из оврага Бермудский треугольник какой-то! – сказал Гилькин папа.

– А что это за треугольник? – спросил Гилька.

Оказалось, это было место, где всё время пропадали корабли! Даже очень большие! А если и в овраге начнется что-то такое? Сначала пропал кошелёк тети Симы, а потом станут пропадать люди?

История 2. Как вылечить овраг?

– Помните, – сказал Гилька, – апайка говорила, что тётя тогда очень испугалась, когда у них деньги отобрали, и девочка маленькая плакала...

– А я бы не плакал, я бы им как дал кирпичом! – Чингизик погрозил кулаком воображаемым бандитам.

– У бандитов ножи, а может, пистолеты, что им твой кирпич? – Тимка презрительно засмеялся.

– Они плакали, им было плохо, и овраг стал нехорошим местом, как Бермудский треугольник. А если кто-то там будет радоваться и смеяться, овраг опять станет хорошим! – втолковывал друзьям Гилька.

– А ты откуда знаешь? – Тимка сощурился и сплюнул.

– Я не знаю, а думаю.

– Надо устроить в овраге большой той! – сказал Чингизик. – Чтобы все кушали и радовались.

– На какие шиши? У тебя много денег?

– Мы – маленькие, – сказал Гилька, – на наш праздник большие не придут.

– Вот мы и обрадуемся сами. Соберем деньги, купим пирожные и пепси. Сначала обожрёмся, а потом будем хохотать! – Чингизик вскочил и, задрав майку, похлопал себя по пузу.

– Обожрёмся, обожрёмся, – пробурчал Тимка. – Потом будешь жирняком, как Колька!

¹ Бишара – бедняжка.

– Опырмай! Какой жир? – Чингизик, опять приподняв майку, похлопал себя по тощему животу.

– Надо, чтобы кто-то очень радовался и смеялся, – сказал Гилька.

– Казяка смеется как чокнутая, – вспомнил Тимка. – Пирожных не надо, ей только палец покажи.

– И что ты ей скажешь? Пошли, Казяка, хохотать? – надулся Чингизик.

– Мы ей скажем, что кто-то её зовет, а потом подарим что-то, – сказал Гилька.

– Кто её зовёт? И что подарим? – спросил Тимка.

Тимку очень волновала денежная сторона дела. Нельзя сказать, чтобы ему не давали денег. Но все карманные денежки он клал в копилку, а ещё собирал и сдавал пустые бутылки.

– Я куплю шоколадку, а ты ей подари, – сказал Гилька.

– Чтобы я девчонке шоколад дарил? Да я лучше сам его съем!

– Правильно говоришь, – сразу вдохновился Чингизик.

– Ладно, – вздохнул Гилька, – я сам подарю.

История 3. Казяка

Однажды Джамильку вывели на улицу. Поставили перед скамейкой, где сидели бабушки, а мама вернулась проверить почтовый ящик.

Баба Лена наклонилась к Джамильке, а та тут же засмеялась.

– И чья это такая козьявка! – умилилась баба Лена.

– Казяка! – повторила Джамилька.

С этого исторического момента её никто по-другому не звал. Сначала Джамилька была слишком маленькой и сама называла себя Казякой. И радостно откликалась, когда её так звали другие. Потом Джамилька выросла и стала обижаться, если кто-то по старой памяти называл ее Казякой. Хотя за глаза её только так и называли.

Но вообще-то Джамилька была знаменита в Кукурузном переулке не своим прозвищем, а смехом. Вернее, умением хохотать по любому поводу.

– Как звонок на большую перемену! – однажды похвалил ее Колька Масловский.

Про палец тоже правда. Фокус с пальцем попробовали все мальчишки и девочки Кукурузного переулка.

– Джамилька, смотри! – кричали они и показывали указательный палец, и Джамилька не могла удержаться от смеха.

Мама Гильки, увидев как-то такую картину, покачала головой и сказала: «Какая непосредственная девочка!»

Гилька даже обиделся. Обычно мама говорит ему, что смеяться без повода очень глупо. А Джамилька смеется как раз без повода! Папа Гильки всегда говорит, прочитав плохую книгу: «Посредственная книга». Значит, быть посредственным плохо! Смеяться без повода – тоже плохо. А Джамилька смеётся без повода, и непосредственная?!

История 4. Смех и слёзы

Чингизик подробно и важно инструктировал Гильку:

– Смотри, надо, чтобы она долго радовалась. Сперва покажи ей конфеты. Потом скорми ей конфеты!

– Она что тебе, собачка? – не выдержал Тимка.

– Опырмай! Ну, накорми, угости. Какая разница? – отмахнулся Чингизик.

– Потом, когда она поест конфет, покажи ей палец, пусть хохочет...

Тимур пошел позвать Джамильку. Чингизик уже устроил себе в кустах наблюдательный пункт. Тимур, приведя девочку, тоже нырнул в кусты.

– Ну, что надо? – недоверчиво спросила Джамилька. Она и идти не хотела, ожидая подвоха со стороны ребят.

– Казя..., то есть Джамия, – сказал Гилька, – это тебе!

Забыв про все наставления друзей, он вытащил из-за спины коробку «Ассорти».

– Это мне? – Джамилька захлопала большими глазами. – А почему?

– Просто так! – сказал Гилька.

– Спасибо тебе, Гилька, – сказала она и, привстав на цыпочки, обхватила его за шею обеими руками и поцеловала.

– Ты что, с дуба упала? – закричал Гилька от неожиданности и слегка оттолкнул её.

Джамилька опять захлопала глазами, и теперь по её щекам потекли слёзы. Гилька молчал. В этом нехорошем овраге опять плакали. И плакали теперь из-за него!

Чингизик, высунувшись из кустов, сделал возмущённую рожу и потряс кулаками над головой. Потом высунулся Тимка и постучал кулаком по лбу. Объяснять, что он хотел сказать, было не надо. И так ясно!

Гилька тронул плачущую девочку за плечо, сказав: «Прости меня, пожалуйста!», наклонился и чмокнул ее в щёчку.

Вид у огорчённого и покрасневшего Гильки был, наверное, смешной, потому что Джамилька сначала хихикнула сквозь слёзы, а потом и вовсе расхохоталась: «Гилька, ты дурак!»

– Гилька – дурак! – крикнула она, убегая.

– Дурак, – повторил Гилька.

Из кустов вылезли довольные увиденным Чингизик и Тимка.

– Ну, как дела, жених? – спросил Тимка, улыбаясь во весь рот, и тут же схлопотал в глаз. Началась драка. Гилька был сильнее, но Тимка не сдавался, сопел и кусался. Чингизик бегал вокруг, пытаясь разнять друзей.

За последние полчаса смеялись в овраге мало, зато плакали и дрались – будь здоров! Наверное, овраг так и оставался аномальным местом.

ПОЧЕМУ ТИШИНА?

Гилька вышел после обеда послоняться по двору. После того, как они сняли дом в деревне, Гилька восстал против послеобеденного тихого часа и добился временной свободы. Надо было решать, что сейчас делать с этой свободой! Можно было покидать в забор дротики. Папа сделал из заточенных гвоздей отличные дротики и разрешил Гильке пользоваться. Но кидать строго в забор! Вот что значит жить в деревне! Разве разрешили бы Гильке в городе ходить с дротиками? То-то и оно!

Это было выражение соседского дяди Гоши. Дядя Гоша разговаривал важно, и всё время заканчивал словами «то-то и оно!» Гильке это очень нравилось, сразу видно, что дядя Гоша не просто важный, а очень опытный и всё на свете знает. Сам того не замечая, Гилька тоже начал подкреплять свой разговор солидным «то-то и оно».

Немного походив по двору и осмотревшись, Гилька, встав на бревно, заглянул в соседний двор. Надо же, какая удача! Дядя Гоша сидел на скамейке возле огорода и смолит папироску.

– Дядя Гоша! – крикнул Гилька. – Можно с вами посидеть?

– Ну давай, лезь сюда, коли не шутишь, – сказал дядя Гоша.

Гилька обрадовался. Он уже знал, где дощечка в заборе раздвигалась, и получалась потайная дверь. Даже тётя Дуся так ходила к ним, когда приносила парное молоко. Только непонятно, при чём здесь шутки, когда Гилька спрашивал очень серьёзно. Он же не сказал: «Дядя Гоша, можно с вами посидеть понарошку?»

Устроившись рядом с дядей Гошей, Гилька помолчал для солидности, а потом сказал:

– Да, тишина!

– То-то и оно! – многозначительно согласился дядя Гоша.

Гилька это понял как приглашение поговорить. А говорить Гилька любил. И он сказал:

– А почему тишина?

– Какая тишина? – дядя Гоша вынул папироску изо рта и посмотрел на Гильку с удивлением, будто не он только что соглашался с Гилькой.

– Вот я и говорю – вовсе нет никакой тишины! Петухи кричат, цыплята пищат, куры шумят, коровы мычат.

– Ну?! – дядя Гоша полностью повернулся к Гильке и разглядывал его с интересом.

– А мама говорит: «Господи, какая тишина!»

– Ну, и?..

– А собаки? Они же всё время лают, даже ночью!

– Да уж, брешут без умолку! – снова согласился дядя Гоша.

– Кто?! – удивился Гилька.

– Как кто? Известно, собаки.

– Но ведь брешут – это значит «врут»? Что, собаки врут?!

– Да уж известно. Правды от них не допросишься, – усмехнулся свысока дядя Гоша и затянулся папироской.

– От кого? От собак?

– Так от кого еще?

– Зачем?

– Ты шёл бы, малец, погулял что ли, а то мне некогда! – Дядя Гоша повернулся к Гильке боком, совсем утратив к нему интерес.

– А что вы делаете? – не отставал Гилька. Он очень боялся, что этот интересный для него разговор сейчас прекратится.

– Известно что, думаю, – ответил дядя Гоша как-то печально.

– А что вы думаете?

– Известно что, разное...

– И что, трудно?

– Конечно, трудно! Думаешь, легко? – дядя Гоша наморщил лоб и подпёр подбородок кулаком.

– Труднее, чем воды принести... два ведра? – удивился Гилька. Он впервые услышал, что думать так трудно!

- Конечно, труднее.
- Труднее, чем огород вскопать? – Гилька вскочил и начал обдумывать, какие еще трудности бывают в деревне.
- Ии-эх! Конечно труднее, – вздохнул дядя Гоша
- Труднее... труднее... чем дом построить?!
- Думать, брат мой, всегда труднее, – тяжело вздохнул дядя Гоша и затоптал папироску кирзовым сапогом.
- А как вы стали таким умным?
- А вот будет у тебя жена, как баба Дуся, станешь тогда самым умным, – дядя Гоша, кивая головой, приподнял брови, и стало видно, как много у него морщинок на лбу.
- Умнее, чем президент? – наседал Гилька.
- А ты думал? Бабы Дуси, брат, на улице не валяются.
- Чего это вы тут расселись? – Баба Дуся держалась за поясицу и, кажется, на что-то сердилась.
- Мы про вас, баб Дуся, говорили! – доложил Гилька.
- Ну?! – баба Дуся, кряхтя и охая, села на лавочку.
- Что из-за вас все умными становятся!
- Да что ты? Неужто мой хрыч тоже себя в умники записал? – баба Дуся метнула язвительный взгляд на дядю Гошу.

– Чего это я хрыч-то? – возмутился он.
– А чего ты внучку голову дуришь? Пошёл бы уже, калитку поправил! Третий день тебя прошу!

– Да на минутку же присел!

– Если бы те минутки все сосчитать, скамеек не хватит!

– Почему вы на него ругаетесь? Он – самый умный! Умнее президента! – заступился Гилька, переживая за дядю Гошу, такой тот был сейчас обиженный и взъерошенный.

– Был бы умнее президента, жили бы уже как люди! У президента-то калитка, поди, на одной петле не висит, печку, наверное, он подмазал, зимы не дожидаясь, забор подновил! – баба Дуся говорила и привычно загибала пальцы.

– А ты говоришь, брат, тишина! Откуда ей, тишине-то, взяться?! Тьфу! – Дядя Гоша встал и возмущённо потряс пальцем.

Тетя Дуся тоже сказала «тьфу» и пошла к дому.

Дядя Гоша посмотрел ей вслед и произнес:

– Иди, иди, малец, поиграй! Сам видишь, некогда мне с тобой лясы точить!

И эти слова были для Гильки еще более непонятные, чем разговор про всё время врущих собак.

– Что точить? – попробовал было спросить он, но, глядя в хмурое лицо дяди Гоши, понял, что разговор окончен. «Спрошу у мамы», – подумал он и полез обратно через раздвижную доску на свой двор.

– Мама, – спросил он позже за полдником, – что такое «лясы точить»?

– Кто это тебе сказал? – спросила мама.

– Дядя Гоша. Он сказал, что ему некогда со мной лясы точить.

– Опять ты приставал к человеку со своими глупостями! – сказала мама строго. И, махнув рукой, вышла из комнаты, бросив на ходу: – Все разговоры потом, а то у меня тесто подошло.

Взрослый мир наполнен непонятными словами: собаки брешут, лясы точатся, а тесто почему-то подходит. Конечно, Гилька знал, что так говорят, когда тесто разбухло и уже не вмещается в кастрюле, но почему подошло? У него же нету ног?

«Спрошу, когда папа проснётся», – подумал Гилька. Папа, в отличие от Гильки, на отдыхе стал устраивать себе очень долгий тихий час.

– Надо немножко поразмышлять, – говорил он и размышлял почти до ужина. Это он называл иностранным словом «сиеста».

Продолжение в № 2, 2024.

